

Вечерний звонок Марку РОЗОВСКОМУ

Ты этого хотел!

интервью - 2003 - 10 апр. с. 16.
 — Марк Григорьевич, у вас сразу две премьеры, причем совершенно разные...

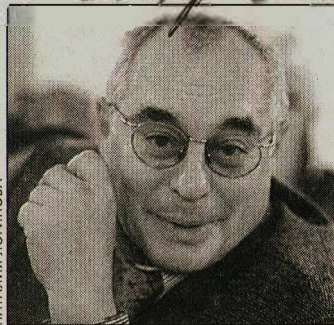
— В одной мольеровской пьесе есть фраза, которая стала крылатой: «Ты этого хотел, Жорж Данден!» В данном случае этим Жоржем оказываюсь я сам. Тяжело было прежде всего не творчески, а психологически переключать себя на два диаметрально противоположных по стилю, по языку спектакля, две разные театральные планеты. Пока я не приучил себя получать удовольствие от этих перелетов, было нелегко. Самое трудное — это процесс накопления режиссерского решения, то, что называется муками творчества. Но когда ты проходишь этот этап, получаешь двойное удовольствие, а не двойное страдание.

— **Что в работе режиссера самое сложное?**

— Самое сложное есть самое интересное. Это работа с актером, с его психофизикой. Актер русской национальной школы всегда терзается. Он находится в жутком состоянии то депрессии, то вдохновения, он в постоянном сомнении, «правильно ли он играет». Есть еще актеры-самоеды: чем больше талант, тем больше сомнений. Актеру кажется, что он все делает неправильно. И приказать ему невозможно, его можно только увлечь. Поэтому процесс постижения пьесы и самопостижения — это самое драгоценное в нашем труде. Это приводит нас иногда в тупики, из которых нет выхода. Мы надоедаем друг другу. Происходит упадок, и не знаешь, что предложить, чтобы психофизическая мощь актера восстала из пепла! Но в какой-то момент наступает гармонизация.

— **Чем театр сегодняшний отличается от театра прошлого?**

— Я не могу сказать, что сегодняшний театр лучше или хуже. И в прошлом были великие мастера, которые, может быть, испытывали те же проблемы. Российский театр и советский в его лучших опусах тоже являли собой театр Человека.

НАТАЛИЯ ЛОГИНОВА

Но сегодня, к сожалению, на человеке со всех сторон обрушивается вал пустоты. Сегодня огромные деньги во всем мире тратятся на индустрию Пустоты. Поэтому сохранить в свежести, непосредственности живое чувство и привести его к служению Смыслу — вот самое трудное и самое необходимое. Это фундаментальная ценность русского театра. Ее ни в коем случае нельзя растратить! Масса талантливейших людей сегодня в мире занимается ерундой. Они, может быть, гении, но погружены в какую-то бесовскую бессмыслицу, которая, возможно, хорошо оплачиваема, но на самом деле этому грош цена. Это самое страшное, что ждет искусство в третьем тысячелетии. То есть искусство-то выдержит, в этом нет сомнений, только люди, работающие на этой ниве, пропадут, потому что происходит выветривание смысла. Нет служения высшему, есть очень много мелькания, блеска, бенгальского огня, а не огня искусства. И актеры довольно часто оказываются во власти этих бесовских сил.

— **Как вы подбираете актеров?**

— Конечно, я их подбираю; как говорил Станиславский, «я их коллекционирую». Я пытаюсь их подобрать один к одному. Это происходит не сразу. Труппа — это ансамбль, где есть индивидуальности, которые должны существовать вместе, и каждый должен быть виден по отдельности. Это как букет цветов.

Татьяна ВЛАДЫКИНА